

ЯРОСЛАВСКИЕ ПОНЕДЕЛЬНИКИ.

П. ГРАНДИЦКИЙ
ДМИТРИЙ ГОРБУНОВ
Н. ДЕДЮЛИН
НИКОЛАЙ ЖУКОВ
Г. КАСТАЛЬСКАЯ
МАРИЯ ПЕТРОВЫХ
ЕВГЕНИЙ РОКИЦКИЙ
С. РОДИОНОВ
МИХАИЛ СИРОТКИН
Г. УСПЕНСКИЙ
ИВАН ХАНАЕВ
Ю. ЮРЬЕВ

Мы молодим всей семьею.
Что за пенистые дни!
Гулки песней трудового
Всесоюзные ремни.
Эй — шугни!

Хлеба, хлеба алчными лапам!

Гей —
Живей!

Сноп на сноп!
Широким хапом —
Мах!

Трах!
Хлоп!

Что за ад в могучем зеве!
Чем плюется эта пасть?
Шшасты!
Желты сгустки пыльной крови,
Хлесток зерен жгучий дождь,
Что ж?

Пусть глядит и видит враг —
Мы творить не устаем:
Ведь растет пушистый ворох,
Тяжким налитый зерном.

Мы взялись не наудачу.
До конца великий сдвиг!
Перекинем передачу
На всемирный маховик!
Глянем, как мятежным бегом
Загудят у нас ремни!
Эй — шугни!

Пусть ложится ворох снегом —
До того-ль в немой борьбе!
Неродимым суховею —
Мы зерно свое провею
На вселенской молотбе!

МУЖИЧКА

Была Парасковья беловолоса
И широка в бедрах и в плечах,
Не было звонче голоса
На звонких посиделках девчачь.
Вечером влажным и теплым,
С листьями трепещущими во сне,
Обнял ее Иван и молвил:

„Иди ко мне“.

Семья Иванова была чужая,
Но чужая разве не то же, что своя?
Ела свекровь, и свекор лаял,
И грызли золовки и деверья.
Когда же затяжелела —
К осени, близ Успенья —
Получили Иван и она по разделу
Сарай, корову и пару ягнят.
Было хлипко и трудно сначала,
Но сколотили кузов — и пошло на лад.
Она косила и жала, и ребят рожала,
И блюла корову, и хлеб пекла.
И была у ней молодуха — Парасковья,
Такая же беловолосая, как и она.
А вечером, облаянная свекровью,
Невестка плакала у гумна.

МАТЬ

Пробралась на платформу несмело,
Как воровка — стороной.
На снегу — у багажной — села,
Крепко к груди прижав ребенка:
Никому ни слова не сказала,
Вся — безконечная просьба.
Толпа безучастно сновала.
Сторож буркнул: Ты! Прочь с вокзала!
Отвечать не пришлось бы!
На утро — такая досада —
Нашли ее у водокачки.
Ничего ей больше не надо —
Сыта она без подачки.
Сжатые пальцы в последнем об'явьи,
Дикий ужас в глазах хрустальных.
И закущена шейка дитяти
Поцелуем ее прощальным.

ДЕРЕВНЯ

Широкобедрая, в кумачном сарафане,
Под небом севера, над заводами нив,
Стоит она на дедовом кургане,
Глаза широкие в пространство устремив.

Проходят облака в ее кудрявом взоре —
Невысказанных дум немые корабли —
И тают там, в волнующемся море,
У берегов неизвестной земли.

Шевелит ветер русые волосы,
В подоткнутом шуршит переднике,
И мыслью тяжкою колеблются колосья,
С серпом сверкающим зажатые в руке.

Звонит пространство криком журавлиным,
Гортанный клич призывает и суров,
Сверлит косяк неумолимым клином
Седую грудь косматых облаков.

И ждет она, и мерит даль с кургана,
Глаза пытливые ладонью заслонив,
А перед ней ржаного океана
Необозрим торжественный разлив.

Не успеешь ты, милка, очнуться —
Я уж снова в родимом селе.
Ой, гармония спальные басы,
Планки, крытые розовым лаком,
Не пристало мне молодцу плакать,
Не один я у маменьки сын!
И когда порыжеют дубравы,
Запозвонят под лаптем липы,
Мы с тобой — не кольцом золотым —
Обручимся по новому праву.

ПЕСНЯ

В ночь осеннюю безлунную
Под ракитой у пруда
Балалайку шестиструнную
Парень дернул по ладам.
Встрепенулась ночь осенняя,
Лес впросонках позевнул,
А из горенки по сеням
Вышла девушка к окну.
„Завивайтесь, кудри черные!“ —
Парень пел, а у окна
Трепeshала грудь влюбленная,
Как под пальцами струна.
На кого же в ночь бессонную
Девка сетует в душе,
Или думка затаенная
Гонит песню от ушей?
Эх, не знает ночь осенняя,
И не знает ей никогда,
Для кого по воскресеньям
Льется песня у пруда!

Вот еще заплагивая осень,
Радость иному, иному — тоска.
Знать, не для всех колосились колосья
На черноземах и желтых песках.

Золотом сыплются листья кленовые;
Словно бубенчики, весел их звон.
Чу! где-то слышатся песенки новые.
Чу! где-то слышится ропот и стон.

Всем хороша и мила ты мне, осень,
Все-ж не могу я тебя приласкать, —
Ведь не для всех колосятся колосья
На черноземах и желтых песках.

ЕСЕНИНУ

Не грусти, Сергей Есенин,
Не грусти, земляк!
Не один ты в дождь осенний
Разлюбил поля,

Не один ты забродяжил
От лесов родных,
Не один ты кличку нажил
Городской шпаны.

Много нас. Я тоже бросил
Дом и все забыл:
И родных полей колосья
И в лесах грибы.

И никто, никто, не скажет,
И не знаю сам,
Отчего я забродяжил
Не в родных лесах.

Оттого-ль, что древней грустью
Я не мог прожить,
Оттого-ль, что вырос кустик
У моей межи?

Умерла, уснула память;
Не могу понять,
Как пустил я за снопами
Одного коня.

Конь мой, конь! Ужель не чуешь,
Что хозяин твой,
По чужим местам кочуя,
Бредит лишь тобой,

Да правой, что в роснѣй вечер
Для тебя косил . . .
Но не жди, приятель, встречи —
Жить в лесу нет сил.

Я ушел, я забродяжил
От полей родных
И не даром кличку нажил
Городской шпанѣ.

Н. Дедюлин.

В ПУТИ

I

Я иду
Необъятной ширью полей.
Жадно глотаю
Раскаленный воздух.
Солнце жжет
Лицо,
Открытую грудь.
Руки.
Тело ноет от усталости.
Пот высох на лице, и кожа суха.
Я сознаю, что я пьян,
И смеюсь — сам себе.
Пьян
Жизнью, солнцем, воздухом,
Телом, духом, собой.
Я сознаю, что я свободен —
Бесконечно свободен,
Потому что (в одно и то же время)
Я чувствую, что
Живу
И
Не живу

II

Я иду дорогой.
Дорога —
С холма в ложину,
С лощины на холм —

Скачет, как
По гигантским застывшим волнам.
Зной жжет лицо.
Деревни
По холмам и низинам
Поприпкнулись, неподвижны, как
Навоз на дороге
Вдали — на холме —
Белая колокольня
Разрезала небесную синь.
Я иду.
Сердце крепко стучит,
Но ему все мало.
Оно чего-то хочет.
Чего?
На дороге лежит валун.
Я смеюсь валуну —
Он неподвижен и сер,
Как старик.
— „Лежу и буду лежать!
Я один, и
Никому до меня дела нет.
Я тяжёл, потому что я
Камень“.
„Ты — камень“ смеюсь я;
„Ты царственно неподвижен
Ты лежишь сотни лет?“
Я подхожу к валуну
И берусь за него руками.
Он врылся в землю —
Не хочет шевельнуться.
„Ты не хочешь?“
Я со злобой налегаю,
Раскачиваю,
Выкатываю из ямы,

Подымаю его на колени,
На грудь,
Подымаю его над головой
И
Швыряю на дорогу.
Падаю в изнеможении —
Все кружится,
Плывет —
С улыбкой
Я впадаю в забытие.
А потом
Опять
Иду,
Насвистывая
Не хитрый.
Мотив.

III

Иду
Мягкой дорожной пылью
Среди заспавшей знойной ржи.
Дорога вьется,
Извивается —
Шалит, как
Деревенская шалунья.
Не скажешь ей:
„Иди прямо —
Ты упомлешь“.
Она своенравна, капризна.
Васильки изо ржи
Подглядывают за мной.
„Я не сорву вас —
Вы мне не нужны —
Я хочу другого“.

Сила бодрит и помнит меня,
Иду скорее,
Чаще дышу.
Ремень режет плечо.
Вдруг
Что-то белое с синим
Мелькнуло в глазах.
Что это?
Крестьянская девушка.
Я смотрю на нее, как на чудо.
Загорелое лицо, открытая шея,
Босые ноги.
Идет — качается на крепких ногах.
Глаза смотрят прямо
В мои глаза,
И горит там что-то,
Что и в моих глазах.
Мы испугались оба,
Опустили глаза
И
Прошли мимо.

ПРИЯТЕЛЬ

Уперевши лицо
В узловатые руки,
Поставив локти на стол,
Он сидел
Сильный, как гладиатор,
Свободный, как ветер,
Простой, как дитя,
Красивый, как античный бог.
Он!
Весь — в зловещем свете
Смердящей
Кабачной
Лампы.

Хрипло,
Держа голос в узде
(Чтоб не развалились от голоса
Стены),
Он читал мне
Величайшую поэму
Своей жизни.

Степи,
Шляхи,
Гавани,
Города,
Переулки,
Заборы
Мосты,
Драки,
Любовь проститутки,
Осенние дожди,
Ночи

И дрожь —
Мелкали передо мной,
Как разноцветные шары
Циркового жонглера.

Он не знал,
Что дело не в том,
Что он
Ловок, силен и смел.
Он не знал,
Что он ищет
Прекрасную даму,
Которой нет,
У которой есть только имя
(И даже оно — мечта).
Он не знал,
Что он — только безумный поэт.
„Нож — надёжный товарищ,
Когда —
Один,
Ночь,
Переулок,
Тоска и кабаки.
Нож -- разгадка всех мировых проблем!“
— „Эй, хозяин!
Потуши смердящую лампу —
Я ослеп уже
От горящих глаз
Безумного бродяги.“

МОСТ

Мысль только роль мечты играла,
Металл ей дал пустой рельеф.
Смысл там, где змеи интеграла
Средь букв и чисел «d» и «f».

В. Брюсов.

Теперь стоишь инертный и угрюмый,
Бетон устоев вписнув в глубину.
Года прошли, а прежде кто-то думал
Узором ферм реку перешагнуть.

И люди мысль, как яблоню, взрастили
В зашиши строгом кабинетных стен;
Сначала техник сложной паутиной
Чертеж Кремона вывел на листе.

И в дымном корпусе рычащим зверем
Тяжелый блюминг грыз кровавый ком,
И красным змеем полз широкий швеллер,
Чугунным ртом раздавлен глубоко.

А летом, в полдень, жесткими руками,
Стирая пот дырявым рукавом,
В лесу и в поле рыли дикий камень,
Веками скрытый мохом и травой.

И по реке, спокойной и широкой
Ленивых барок неуклюжий ряд
Тянул буксир обманчивой дорогой
Среди подводных отмелей и гряд.

И в плоть одели мысль — мечту живую,
А волю ей свободный разум дал.
И профиль камня выточил кривую,
Как предназначил мудрый интеграл.

ЛОКОМОТИВ

В устье ночи глубокое
Скрылась хмурая даль;
Гулко на скрепах чокает
Сталью колес о сталь.

В эти темные двери
Двинем крутой нажим.
В страхе железный мерин
Рвет стальные гужи.

Сосны пугливо раздвинулись,
Спрятались в мутный дым;
Жгучим потоком хлынули
Красных молний ряды.

Круче реверс подкручивай, —
Пусть гремят бандажи!
Кровью кипящей вспучило
Медных извилов жил.

Ветер свистящей песней
В окна ворваться рад.
В нашей каюте тесной —
Огненная игра.

В устье ночном глубоко
Румяных зарниц уста.
Частый чокот
Сталь о сталь.

Прошедших лет тяжелая рука
Пригнула вниз соломенные плечи.
По закоптелым доскам потолка
Проворно шнырял тараканья нечисть.

В избе темно до солнечной поры,
И на стене, за пыльной паутиной
Почивший в бозе Александр второй
И Всероссийский староста Калинин.

На полке ряд Владимирских икон —
Плоды трудов пьянчужки богомаза.
Какое горе! Слезы чьи, о ком
Покорно снес пред ними темный разум?

Теперь не то: и песни об ином,
И смотрит глаз уверенней и зорче.
Святого Власа сменил агроном,
И страхагент Миколу чудотворца,

И разве дед оглохший и хромой
Зажжет под праздник тоненькую свечку,
А будет время: Гришка — комсомол
Сухими досками растопит печку.

Г. Кастальская.

Т О С К А

Я в прозрачных лесных речонках
Не пивала живой воды:
Не росла я крестьянской девченкой —
Целенам меня чернѣй дым.

В песне голос мой не был звучен,
Рассыпаясь в сосновом бору:
Я блуждала по чаще дремучей
Фабричных высоких труб.

Дед мой рыбу ловил руками,
В золотых утопал хлебах, —
А меня раздавили камни,
Схоронили дома - гроба.

Не дарили мне в праздник древний
Ярко — красный платка лоскут, —
Отчего ж по далекой деревне
В крови я ношу тоску?..

НИЩИЙ

Тебя рассвет из дома гонит;
Покорный, кроткий вдаль бредешь;
В твои шершавые ладони
Сует прохожий темный грош.

Нависли тучи серой крышей,
Вокруг молчит немая ширь;
В лицо студеным ветром дышит
Нужда -- суровый поводыр.

За что ты долею обижен,
Смиренный, тихий, весь в пыли?
В твоих морщинах скорбных вижу
Печаль родной моей земли.

ЯЩЕРКА

Нелюбимая мачехой падчерка
И отцом забытая дочка,
Я покорно скользжу серой ящеркой
По болоту, по мшистым кочкам.

Извиваясь, ползаю, гибкая.
Путь мой страшный и длинный - длинный..
Под зеленым покровом зыбким
Жадный рот открыла тряпина.

Вот он гибели призрак давний
Руки тянет из тины вязкой..
Нет, не спать мне на сером камне
Под отцовскою теплой лаской!

ШУЛЕР

Качаяся на длинной шее цапли,
Коварно голова кивает голове,
И в дымной мгле во всех глазах мерцает
Зеленый огонек под спавшей красных век.

Ты мечешь банк. Слегка хрустит колода.
Ложатся карты вкось. Еще одно очко.
И цифры круглые рука твоя выводит
На ломберном столе опточенным мелком.

„Моя!“ „Постой. Валета в звонких лапах
Мой пиковый король отправил греться в ад“.
Фигурного туза — цветистую цыпату —
Ты ловко вытянул тайком из рукава.

Все. Кончена игра. Шум шульбев. „Как, уходяш?“
— „Да. Шулер, проходя, взглянул. „Не говори“.
Исчезла со стола крапленная колода,
И каплет, со свечи стекая, стеарин

Все вижу — и молчу, нося презренья панцирь,
Непроницаемый для боли и тоски.
Пусть узловатые сгребают жадно пальцы
Чужие, желтые. холодные кружки.

НЕПОКОРНАЯ

„Посиди ты спокойно, трещетка,
Не причешешь — резва не к добру“...
Не любила колючей я щетки,
Вырывалась из маминых рук.

Надоело возиться мне с ними:
Вот сейчас их откину назад —
Все равно эти пряди ржаные
Снова лезут капризно в глаза.

А теперь надо мной парикмахер:
Время — хитрый, жестокий старик —
Хочет ножниц размеренным взмахом
Непокорные кудри остричь.

Лязг уверенный, страшный и четкий,
Но я гордо кричу, хохоча:
Горе жесткой погладило щеткой —
Все ж упрямые пряди торчат!

Мария Петровых.

Я ее не любить не могу,
А она меня скоро убьет.
С ее злых ненасытных губ
Безысходное пью забытие.
Там, давно, в тишине аллея
Мы впервые друг друга нашли.
Приказала она: „Не жалея
Дни в бездонную чашу лить“.
Мы смотрели на пути бус —
Изумруды и жемчуга,
А в груди, словно ладан в гробу,
От спаленного сердца гарь.
Эти бусы дрожали, шурша,
И спускались их нити вниз,
Я увидела красный шар
Необычно — большой лунны.
И подумала я: „Кому-б?“
И взглянула я на нее —
И узнала прохладу губ.
Я ее не любить не могу,
А она меня скоро убьет.

Я не хочу, я не могу
Тебе безвольно покориться!
Пусть хлещет смех пивой—жгучий жгут,—
На мне стальная власяница.
Криви, криви кровавый рот:
Не кровь, а краска это, знаю.
В груди твоей исплевший гроб,
Он смрадом сердце отправляет.
Ты вся больна. И смех твой—хрип.
А я, я молодости краше.
И, видишь ли, мои стихи
Над головой твоею пляшут.
Меня ты хочешь заманить,
Из сердца выпотрошить радость,
Но и фальшивые огни
Мне говорят, что „здесь не надо“,
Что „здесь не надо, не ходи!“
Меня ты ими не заманишь.
Ты знаешь, что в моей груди?
Ну, так посмотрим, погоди—
Последней ли смеяться станешь!

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Куда закидывали сеть,
И сети приносили рыбу,
Он городу велел расцвеств
Огромной каменной глыбой.

Болотная ворчала муть,
Ворочалась ночная гадость,
Когда покорные уму
Росли спокойные фасады.

Сады сменяли хилый бор,
И влажным шумом с ними спорил
Неутихающий прибой
Неумолкающего моря.

Соленый ветер дул в окно,
А на границ. в болото вбитый,
Под черным исполином конь
Спальные опускал копыта.

Но бездна побежденных блат,
Пытаясь мстить и мстить не смея,
На перепутьи залегла
Несокрушимым медным змеем.

И неподвижно на скале
Над эшим городом ввысоким
Они висели сотни лет
Седок и конь в замолкшем скоке.

Безжалостно бежали дни.
Дрожали пламенные ночи.
И вел суровый проводник
Тяжелые полки рабочих.

И вновь забитое окно ..
Но позабытую тропинкой
Неудержимо скачет конь
Под творческою дубинкой.

У свалившегося на бок сына
Не от старости согнувшаяся мать
От закинутого на чужбину сына
Ласкового ждет письма.

Где за лесом притаился хупор,
Каждый день по утренней росе
Все глядит, больную грудь закушав,
В каменную грудь шоссе.

А когда слезой глаза напухнут—
Не привез вестей чугунный конь,
Побредет, пошатываясь, в кухню
Разводить огонь.

Мама! Сын твой разучился помнить
О тебе и не придет назад,—
Глядит не твоих волос солому,
С лаской смотрит не в твои глаза.

Видишь мост? Поломаны перила.
Доски выбиты ударами копыт.
Сколько ног сухими проходило,
Как в овине осенью снопы!

Он согнулся, он осел, но спину
Подставляет и твоим следам.
Ты идешь и взгляд боишься кинуть
Вниз, где темная полощется вода.

И меня давили пешеходы,
И по мне, колесами гремя,
Как обозы, двигались невзгоды
Этих обезумевших времен.

Ты теперь, тяжелая любовью,
Как снопами после жатвы воз,
К моему склоняясь изголовью,
На расшатанный ступила мост.

Я согнулся, я осел и спину
Я боюсь отдать твоим следам—
Как бы мне тебя туда не скинуть
Вниз, где темная полощется вода.

КОЛОС.

У межи разраслась лебеда,
Вызрел хлеб Сняли жатву богато.
Тихой песней как передатъ
Лебединую песню заката!

Колос тоже тянул из земли
Сладкий сок по зеленым жилкам:
Как умалитъ и как умолитъ
Жизни смертоносную силу.

Росы бил золотым хоботком,
Белый бил и холодный камень, —
Колос выпрямлялся легко
Над опцвевшими васильками.

И не мог он, не мог понять,
Почему же поварищ и сверстник,
На колени и в пыль склонясь,
Целует земные перси.

Наклонилсь и встать не хотяга,
А небо высоко и сине.
С наклоненных голов, крутя,
Ветер рвет коричнезый иней.

А потом с загорелых рук
Полетели кривые птицы.
Он смотрел на спальную игру
И не захотел склонитсья.

Их сложили и били кнутом,
Долго били за рабью повадку.

А кругом голубой простор,
Паутина и запах сладкий...

День за днем холодней Лебеда.
Заглушила лохматые межи
Одинокому — увядать,
Слушать ветра тоскливый скрежет.

Облака неподвижно стоят.
А ведь были крылаты когда-то!
Опоясана жизнь твоя
Золотым пояском заката.

ПУТЬ

Не завидую жирной доле—
Я люблю свой цыганский путь.
На дорогу упавший колос
Не вернется назад к снопу.

Да, наверное, так и случится:
Вместе с грязью пристаёт к колесу,
И, мелкая, невидные спицы
В незнакомую даль понесут.

И на шалости злые падкий,
Ударяясь о лбы колес,
Будет ветер трепать остатки
Побуревших в грязи волос.

Может быть, в той деревне, где братья—
Под ногами коней и коров,
Остановится высушить платё
Мой возница вечерней порой.

И тогда расскажу мимоходом
Им, жиреющим в теплом назвме,
О своих небывалых походах,
Про свою небывалую смерть.

А под утро, когда на повеси
Хрипло крикнет спросонья петух,
Унесет меня легкий ветер,
Подхватив словно лист на лесу.

Был каждый час жесток и грозен.
Был с твердой тяжестью знаком
Застывшей грязи жесткий ком
В осеннем сумрачном морозе
Под рваным сбитым башмаком.

Подошвам дал упорство вол,
И в пыль дорога перетерта
От голубых балтийских волн
До севастопольского порта,

А ненависть — она проста,
Чтоб песню, волчьей песни звонче,
В сибирских тундрах распластав,
В сивашском пленении закончить.

Мы научились крепко спать
И понимать чужое горе, —
И воды обращает вспять
Прибой взволнованного моря.

Теперь тоска иных и многих —
Сухой в весенних травках лист,
Когда волнения и тревоги
Дорожной пылью улеглись.

ОСЕННИЕ ТЕНИ.

Уж веет осенью прохлада,
Желтеют листики в саду,
И травка в инее у сада, —
Все говорит: я смерти жду.

Встает нерадостное солнце.
Мне жалко, солнышко, тебя!
Покрылось инеем оконце,
Но я живу, весну любя.

Лишь в полдень солнце греет спину,
А вечером все зябну я,
И счастлив лишь наполовину,
Печаль осеннюю тая.

Но все же сердце рвется к свету,
Люблю я вечную весну.
Когда ж откликнется поэту,
В его заглянут глубину?

Мих. Сироткин.

В ЦИРКЕ.

Хлестнет, ужалил сталью каната,
Песок и опилки бросит в глаза.
Солнце. Смерть. Шапер полосатый.
Слышишь, глупый — назад, назад!

Поздно. Раздернул пестрый полог.
По позументам, шкурам зверей
Плещет, пляшет синий осколок
Взбудораженных фонарей.

А человек — легкий скрупул,
Раскачавшись, с весов турника
Летит по спирали прямо в купол,
В пыльно-синие облака.

Колокольцы в кольцах, взвивы,
Всплески бубна, шелк бичем,
У лошадей седые гривы
Спутал бешеный, злой смычек.

Хлестнет, ужалил сталью каната,
Песок и опилки бросит в глаза
Солнце. Смерть Шапер полосатый.
Стой, к барберу! Поздно назад.

Бьет в лицо золотую пылью,
В вены горячее льется вино,
Ветер веет алые крылья
Шелкового кимоно.

Флейтам — петль, гнущься бамбуку,
В руку веер, привычно — вверх.
Под гимнастеркой сердцу тукать, —
Туго натянут стальной нерв.

Все перепуталось: спинка стула,
Кожица апельсина, злой смычек,
Белые хризантемы, косые скулы,
Тихий золотой зрачек

Прощай, площадка, еще дорога —
По длинной нити скользит вниз,
Горячей туфлей песок потрогать
И попросить себя: „Улыбнись!“ . . .

Конец сказке. Розовые перья
Тянутся с востока в сонный сад.
Под табуретом за дощатой дверью
Свернулся клубком стальной канат.

ИЗ ЦИКЛА

„КАРМЕН В ЛАПТОЧКАХ“

V

Мой пароход идет последним рейсом,
Последний раз увозит в приютах груз.
Пляши, Кармен! В пунцовый шарф завейся,
Звени стекляшками базарных бус.

Любовь моя! Не бусы, не мониста,
Твоя тоска сдавила горло мне,—
Не петь стихов не слушать гармониста,
Застыть, задуматься, окаменеть...

Медведь зимой угрюмо лапу лижет.
Придет апрель берложину размывать.
А я себе не сам-ли рану выжег,
Не сам-ли вздумал крепко посолить?

Кармен, ты пляшешь, а по теплой коже
Бежит, бежит сентябрьский холодок.
Любовь мою седая пасмурь сгложет,
И пароходу не вернуться в док.

Ах, все равно! Пляши, Кармен! Завейся,
Звени, звени бубенчиками бус!
Мой пароход идет последним рейсом,
Последний раз везу на сердце груз.

Напишут сотни книг, восторженных и скучных;
Студенты с крысами изложут корешки;
А гардероб идей распродадут поштучно
На стариковские ночные колпаки.

Потом об'явится заботливый историк,
Пенсионер, чудака и инвалид.
Он пыль веков слегка пошевелил,
Из комментариев соорудит заборик
На пустыре — и будет знаменит.

Потом сожгут историков и книги
По крематориям, декретами, шкафам,
И разве член какой-нибудь мудреной лиги
Лягнет копытом обвешшалаый хлам!

Но смерч, что взвевял знойные пески,
Но стих, что выковался в сердце с болью.
Любовь и розы на пороге в скин, —
Ужели все проестся молбю?

Ужель и мир, шутя, как метеор,
Черкнет по сини белым беглым блеском,
А я — астролог буду пешить взор,
Гадать свою судьбу по легким арабескам?

БЕСПРИЗОРНЫЕ.

I

В тысяча девятьсот двадцать втором,
Осенью, кажется, в понедельник
По мокрой набережной шли вчетвером:
Инженер, два комсомольца, мельник.

Дело в том.
Что в двадцать втором
На заводе снова завертелись колеса;
Заводу нужен машинный лом,
А мельница четыре года в забросе.

Инженерские пальцы ломают прость.
Мельник сух и смотрит вкось,
Кулак рвет карманы фланели.
Комсомолец говорит другому: брось,
Когда-нибудь... перемелем.

Мелкий дождик наискось бьет.
Моем, сечем
Окна, лицо, дорогу.
Что же — пред'явим полный счет
Господу богу!..

В тысяча девятьсот двадцать втором
На край города, за богадельню
Идут на мельницу вчетвером:
Инженер, два комсомольца, мельник.

II

Когда-то здесь мололи рожь,
Потом шрапнель молола стены,
Но старый пепел потревожь, —
И ты увидишь, ты поймешь,
Осмыслишь эти перемены.

Иначе быть и не могло,
И хорошо, что вышло этак,
Недаром ближнее село
Взглянуло первый раз светло
В сырую ночь перед рассветом.

Теперь, на пятом октябре,
В такую же сырую осень
На старом мельничном дворе,
Машинный лом, перегорев,
Ответственной работы просит.

III

Идут по обломкам четыре гостя.
Мельник сух, Мельник зол.
Инженер тоже со злостью
Тычет тростью
В гулкий ржавый котел.

В опись. Система. Год постройки.
Номер. Топка. Один колосник.
Трость зацепилась... Стойте, стойте! —
Человеческий крик
И собачий рык.

IV.

Надо б еще записать о кленке,
Но не идут на язык слова,
Когда выглянула вверх из топки
Грязная лохматая голова.

И шепчут губы: все-таки лезут,
Вон этот, в форменном сюртуке...
Пальцы растерянно бегут по железу,
И сухо-сухо на языке.

Форменный сюртук крючочки нижеет, —
Конел и топка развѣх систем.
Кожанный комсомолец подходит ближе,
Спрашивает: ты — зачем?

Нас двое — я и собака.
Живем восьмой день.
Выгнать, конечно, может всякий
Кому не лень

До этого ночевал под баркой.
Там дует, а здесь тепло.
Товарищ, дай махры на цыгарку.
Что б до кишок прожгло.

Выгоните — ночью под баком,
Крыша везде одна.
Я — ничего. Вот только собака
Четвертый день болна.

Подобрал ее за оградой,
Валялась на берегу.

Убить бы, конечно, надо,
Да вот — не могу.

Урчит она — кость гложет...
Как, убираться, что ль?
Или остаться может?
Слышь, товарищ, позволь.

Я, понимаешь, ушел бы,
На улице — не февраль.
А собаку камнем по лбу
Все-таки жаль.

Чем виновата собака?
И добрые глаза у ней.
Выгнать конечно, можешь всякий,
А вам с горы видней.

V

Болты, гайки, железо, кольца—
Инженерская прость считает бой.
Два кожаных комсомольца
Перешептываются между собой.

Итак, товарищи, мы с добром.
Есть железо — даешь работенку!..
А вот этот человеческий лом
В дом безпризорного ребенка.

Товарищ мельник по описям
Завтра все сдадите заводу.
Ну, а с этим займусь сам:
Эй, малый, ходу!

Да ты не бойся, вылазь, пойдём,
В кампании будешь нашей.
Будешь в дому, не под дождем,
Накормим щами и кашей.

Лохматая голова взглянула робко
В глазах боль и испуг.
На минуту спряталась в топку,
Всхлинула: прощай друг!

VI

В тысяча девятьсот двадцать втором,
Серой дождливой осенью, в понедельник
По мокрой набережной идут впятером:
Безпризорный, два комсомольца, инженер,
мельник.

VII

А в топке под заткнутым пазом,
Зализывая рваные бока,
Собака потускневшим глазом
Следила дымчатые облака.

Давно угас ее щенячий пыл,
Былая сила больше не вернется;
Лохматый друг который так любил,
Легко спрыгнул и скрылся за колодецем.

И вот теперь — доглоданный мосол
Да одинокая собачья скука...
И морду положил на ржавый болт,
Завыла жалобно больная сука.

VIII

Утром, когда город спал,
Взяв хлеба и пучок соломы,
Он тайком убежал
Из детского дома.

По набережной, через кусты,
По дороге мокрой и топкой.
Мельница. Забор. Пустырь.
Котел. Топка.

Наверно, спать улеглась.
Сейчас! Заберусь скоро...
Но из угла смотрел с укором
Остекляневший глаз.

Г. Успенский.

Так закружи меня, жизнь, опои,
Каленым железом вели жечь
Что это? Талые бегут ручьи,
А сердцу моему не сгореть, не испечь.

Вот невысокий дом, а в нем
Покой да сиянье от серых глаз.
Нет, закружи меня, жизнь! Уйдем!
Чую, что рок мне войти не даст.

Не суждено. Не суждено.
Чую... так что же, тому и быть.
Жизнь, закружи! Вот и вино,
И губы-губ, и руки-рук рабы.

И тело телу в качке отдано
До пены от набухших мокрых губ.
В беспмятстве, в вине, вдвоем на дно
Пойдешь винтом. Постой на берегу.

Не прирасти к песку, не пронести
Сквозливый сок к коронке листовой.
Май у дверей. И надо май спасти,
Всеобщий май: его и мой и твой!

Как устоять, когда и ветер ртом
Росыщимся задышит, не отстав;
И воздух — волосы нагонит он потом, —
Опущают, обволокут, пристав,

Отбившись, припадут. Колен не разогнуть
И сердцу не испечь, и нет ему межи.
И можно лишь, как палку, перегнуть
И надломить... Калека будет жить.

Нет, ни за что! И в мире светлых глаз
Да будет мир, а в мире мира хмель
Ты шевелишь присосками, соблазн.
Так закружи меня, жизнь, закарусель.

Закарусель, заверши, утопи
В промельках, в проглядах... Останови!
Рдяными углями окропи.
Каплей долби. И жги! И рви!

С дыбу на дыбу Поддень! Взметни!
Выпяни... Выпяни... Поддай! Отрежь!
И волоки, и в пени
Ткни на дворе.

Так, непомерная, запытай.
Не пожалей, не убавь.
Так закружи меня, жизнь на май.
Май не замай. Май оставь.

Иван Ханаев.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ.

Я люблю тоску твою и пьяность,
И стихов невычерпанный хмель,
И бровей мужицкую упрямость,
И волос кудрявую метель.

Ведь и мне, тоскующему зверю,
Эта боль в глазах твоих родна,
Ведь и мне за солнечную дверью
Эта даль овсяная видна.

Ведь и я пропахнул спелой гречей,
Молодою брагой ячменя,
Ведь и я соседями замечен,
Что ночью часто в зеленях.

Нас сроднили солнечные пашни
И гумна мякинная пурга,
И тоска по вечеру вчерашнем,
И лунны бодливые рога.

Ты идешь по вязевой дороге,
Дорогой учитель мой и брат!
Над тобой серебряные дроги
У Большой Медведицы горят.

Ты ребенком маленьким и резвым
Возлюбил мерцающую синь,
Оттого стихи твои нерезвы,
Оттого в них горькая полнь.

И когда на поже, в спелом сене
Попадет мне горькая трава,
О тебе я думаю, Есенин,
Где твоя тоскует голова.

ОСЕННИЙ СЕВ

Ой, тяжка заскорузля горсть,
Налита разновесным зерном!
В растворенный, густой чернозем
Сырмолотивые дрожжи забрось!

Жадно комья жует борона,
Ржавой кровью плюется на луг...
Сторона ль ты моя, сторона —
Староверческий вечный недуг!

По загонам быстрее шагай!
Солнце низко скатилось с полден.
Брызны золотом в солнечный край.
На луга, на разоспанный лен!

Мы поймем в лукошко закат.
Эй, посуже нажми на гужи!
Глубоко, под серебряный плаш
Спрячем жаркое кружево ржи.

Ой, торфяник копытили лоси,
Грызли горькую корку осин,
И скрипела недужная ошень
Колесом на разбитой оси!

Я дождался, увидел, поверил,
Как вечерняя тайна близка.
Ведь недаром сходились звери
В поединках рога полоскать.

Мы пройдем, не заметим, не спросим,
А тебе я про то не скажу,
Что и счастье испуганным лосем
Убегает в вечернюю жуть,

Каково в лихую непогод!
Надрываясь, стонут дерева!
Тяжелей березовой колоды
На плечи ложится голова.

Плыл в очах невычерпанный вечер,
Трепетали ноздри-паруса.
Я не знал, что будет эта встреча
Холодна, как летняя роса.

Я не знал, не думал о разлуке,
Крепко радость выточив о плуг, —
Ты ушла за сумрак сухорукий
Уплыла в предупренную мглу.

Ты ушла. Кому какое дело,
Что живую рыбу попрошат,
Что болит закрученное тело,
И в крови купается душа.

И пускай заиндевеют росы
На осеннем выцветшем лугу, —
Этих дней сиреневую осыпь
Я навеки в сердце сберегу.

УРОЖАЙ

Горели дни пожаром алым,
И хмелем пенились поля,
Когда судьбу свою ковала
Преображенная земля.

Мы — дети солнечного края,
Зажав горбатые серпы,
В зарницах ждали урожая,
Чтоб спрятать золото в снопы.

И он пришел в мятежном гуле,
Звеня железом и огнем,
А вместо зерен пели пули
Над взбудораженным гумном.

На новых кованых просторах
Вставала новая заря,
И был развеян сорный ворох
Могучим ветром Октября.

Ю. Юрьев.

Встретил его на повороте.
Сушувый. Желтизна на висках.
И спросил — это я: Ну, что, живете?
— Ничего, понемножку. А вы как?

Прощаясь, пожимали руки;
Проговорили, что обыкновенно говорят.
Он ушел, каблуками постукивая,
Волоча пришибленный взгляд.

И я забыл, зачем это я вышел,
И, блуждая в переулках кривых,
Забирался все выше и выше —
На самую маковку Москвы.

Думал, что разделаюсь с этим живо,
Но крепла в сердце тоска,
И вползал на кремлевские обрывы
Крик равнодушный и тоскливый:
Как живете?.. Ничего!.. А вы как?..

ОСЕНЬ

Как хорошо сегодня пахнет листьями,
Как будто на небе заваривают чай.
Хозяйка Осень складывает руки
На фаршук, а он плывет туманом,
И ослепительно пылает самовар,
Как солнце желтое на голубой камчати;
И от него косые падают лучи
Сквозь занавеску листьев поредевших.
Как хорошо сегодня пахнет листьями,
Как будто на небе заваривают чай.

Не уходи. Побудь еще немного,
Ведь торопиться некуда тебе.
Поговорим а можно — так, и молча.
Рука в руке. Рукой по волосам
Поглаживашь. И слушаешь время.
Не уходи. Побудь еще немного.
Вед торопиться некуда тебе.

О, еслиб хоть на час отсрочить ночь.
О, если бы, без просыпа, как раньше. —
И стрелка прыгала с двенадцати на восемь
И вечер превращался прямо в утро.
О, еслиб хоть на час отсрочить ночь.

Когда уйдут друзья, тогда приходят думы.
Они бесшумно отворяют двери,
Одна, другая — целой вереницей
Они скользят, не задевая пола
И вот — рассаживаются вдоль стен,
На стульях, на диване, за столом,
И складывают, молча, руки.
Они в одеждах темных и похожи
На женщин, потерявших мужа,
Они не плачут. Нет. Сухими
Глазами смотрят мне в глаза,
И медленно кивают головами.
И мне не скучно с ними. Нет! Но...
Не уходи Побудь еще немного.
Ведь торопиться некуда тебе.

«Нам звезды крошkie сияли» .

Так вот: таков, как есть —
Вся фальшь и мелочи жеманств,
Понимаешь, принят весь
На музыку. И вот — романс.

Повернулись глаза в орбитах.
Пристальные такие глаза.
Молчи. Не надо. Все забыто, —
И нечего больше сказать.

Прислушивайся только, как гудит
Органым пунктом на педали
И в твоей и в моей груди:
«Нам звезды крошkie сияли» .

Скрипучий росчерк острого пера.
Все учтено. Подписаны декреты.
И падает волна радиограмм.
И гулом откликаются советы.

Милльоны ртов сжимаются плотней,
Проглатывающая жалобы глухие.
Молчишь земля, — но в тишине слышней
Дыханье потревоженной стихий.

Уклончиво отведены глаза:
Ответ жесток, его не скажешь прямо.
Но вот — одна; еще, еще, — назад
Летят отчаянные телеграммы.

Суровых цифр ширится поток;
Растут столбцы, смеясь и угрожая,
И складываются в один итог —
Смертей, развалин и неурожая;

Всползают змеями на белый лист;
Холодные глаза чертежник с'узил, —
И линии, застыв, переплелись
В один тугой, давящий, душный узел.

Но вождь склонился низко головой,
Прослеживая пальцем узловатым
Зловещий взлет прочерченной кривой
По дрогнувшим от ужаса квадратам, —

И вспрынул вновь: Ну, что ж, пускай борьба!
Согнем тебя когда-нибудь, Кривая!
Наш день жесток, и медленна судьба,
Но мы-не унываем.

С. Родионов		
	Осенние тени Е.Н.П.В.А.Л.	40
Мих. Сироткин		
	В цирке	41
8	Из цикла „Кармен в лапоточках“. V	43
0	Напишут сотни книг	44
7	Беспризорные	45
Г. Успенский		
	Так закружи меня жизнь	51
Иван Ханаев		
	Сергею Есенину	53
	Осенний сев	55
	Ой, торфяник копытили лоси	56
	Каково в лихую непогоду	57
	Урожай	58
Ю. Юрьев.		
	Встретил его на повороте	59
	Осень	60
	Не уходи	61
	Так вот: таков, как есть	62
	Скрипучий росчерк острого пера	63